

Мас.
№ 10223а

«Дуэль» Чехова.

О новомъ произведеніи Чехова появи-лось уже съ польдожными обширныхъ рецензій.

Вы знаете, что нѣтъ ничего шаблон-наго газетнаго языка.

То же можно сказать и о рецензіяхъ нашихъ присяжныхъ критиковъ. За дву-мя, много—тремя исключеніями, всѣ они выработали себѣ извѣстный шаблонъ, по которому не только пишутъ, но и мыс-лятъ.

Мнѣ даже кажется, что у присяжныхъ рецензентовъ отъ постоянного обязатель-наго чтенія притупляется и аппетитъ, и вкусъ.

Чтобы усвоить настрѣнія автора и его образы таковыя, какими онъ ихъ создалъ, надо обладать фантазіей, не обремененной безпрерывными и однородными впечатлѣ-ніями. А критикъ ко всякому новому про-изведенію приступаетъ съ готовымъ мас-штабомъ, выработаннымъ извѣстной при-вычкой. Съ первыхъ же шаговъ персона-жей новаго произведенія критикъ отдается во власть рутинны и относитъ ихъ къ ка-тегоріи лицъ, уже знакомыхъ ему изъ другихъ произведеній. Поэтому отъ него легко ускользаетъ какая-нибудь характер-ная черта, не лишняя новизны.

Сравните впечатлѣнія двухъ театраль-ныхъ зрителей: одинъ—завсегдатай, а другой—рѣдкій посѣтитель театра. Пер-вый до того привыкаетъ къ индивиду-альнымъ особенностямъ актеровъ, что ему трудно разглядѣть замыселъ автора за знакомыми ему интонаціями, жестами, глазами и т. д. Второй же воспринимаетъ образы автора гораздо непосредственнѣе. И случается сплошь да рядомъ, что этотъ неприсяжный театраль уловитъ замыселъ автора лучше опытнаго и присяжнаго.

До какой степени шаблонно отношеніе критиковъ къ писателямъ, можно судить по рецензіямъ о «Дуэли» Чехова.

Всѣ они начинаютъ съ lamentaціи объ обманутыхъ надеждахъ. Всякій считаетъ долгомъ уронить слезу на талантъ Чехо-ва, яко-бы остановившійся въ развитіи. Но если-бы кто-нибудь изъ нихъ добро-совестно заглянулъ въ свои статьи, на-печатанныя пять лѣтъ назадъ, то онъ убѣдился-бы, что и заговорилъ-то о Че-ховѣ только въ то время, когда публика уже любила этого писателя.

Въ жизни всякаго выдающагося писа-теля есть два трудныхъ момента. Я го-ворю объ отношеніи къ нему нашей кри-тики. Первый моментъ наступаетъ, когда критика опредѣляетъ писателя въ гене-ральскій чинъ. Происходить это большою частью сразу, внезапно, одномогово неожиданно—какъ для писателя, такъ и для са-мой критики.

Онъ писалъ уже нѣсколько лѣтъ. Его читали, его любили, въ публикѣ то и дѣло рекомендовали его. Но критика, за-громожденная отчетами о произведеніяхъ патентованныхъ знаменитостей, видъ не замѣчала его, или трусливо замалчивала.

Вдруг кто-нибудь из сильных об-
появился о немъ добрыми словами. Или
его выдвинулъ случай, не имѣющій ниче-
го общаго съ его талантомъ. Тогда всѣ
разомъ, точно сговорившись, поднимають
шумъ, и черезъ мѣсяць-другой ичерашній
рядовой производится въ генеральскій
чинъ.

Тогда для писателя наступаетъ новое
испытаніе.

Онъ замечаетъ, каждая его строка ле-
жится на лету,—но онъ не удовлетворя-
етъ своихъ поклонниковъ. Отъ него
идутъ высшихъ откровеній, а онъ—изво-
лите видѣть—пишетъ почти такъ-же,
какъ писалъ два мѣсяца назадъ. Слово
изъ-за того, что критика обратила на не-
го вниманіе, онъ долженъ стать во сто-
кратъ гениальнѣе, умиль, образованнѣе.

Счастливы тотъ, кто суждетъ спонси-
но обойти эти подводные камни. Часто-
же случается такъ, что у писателя отъ
одурающаго opinioна славы кружится го-
лова, онъ въ самомъ дѣлѣ ничтъ въ сво-
емъ творчествѣ божественныхъ открове-
ній, не удовлетворяется самъ, кото-
рые подсаживаетъ ему фантазія, все ему
кажется мелко и безцѣльно. Самолюбіе
его гложеть, и изъ здороваго писателя
онъ становится неврастеникомъ или
нудитъ не въ шѣру и не пользуется тѣ-
ни своимъ красноречіемъ своей полноты, ко-
торая создала ему славу.

Мнѣ кажется, что этотъ трудный по-
вестъ испытанія переживаетъ теперь и
Чеховъ. Что-бы онъ не вылетѣлъ въ
свѣтъ, нами критика сравниваетъ съ ра-

зочарованной гримасой. И—поняните мое
слово—они такъ-же проглядятъ его луч-
шую вещь, какъ проглядѣли зарожденіе
его успѣха и спохватились только тогда,
когда онъ и безъ критики пробилъ себѣ
дорогу въ сердцахъ читателей. Если-бы
Чеховъ слушался своихъ рецензентовъ,
то ему слѣдовало-бы въ продолженіи десяти
лѣтъ не показывать себѣ ничего изъ на-
писаннаго, а потомъ сразу поразить всѣхъ
чѣмъ-нибудь въ родѣ «Мертвыхъ душъ».

Мнѣ-же думается, что истинныхъ лю-
бителей литературы долженъ радовать
каждый поступательный шагъ, хотя-бы и
маленькій, въ ростѣ писательской лич-
ности Чехова. И если не предъявлять къ
нему невозможныхъ требованій, то не
трудно замѣтить, что его послѣднее про-
изведеніе—лучшее изъ всего, что имѣ
до сихъ поръ написано.

Постараюсь доказать это.

В. Н.

след.
Сибирск.
Полковникъ